

АКАКИЙ

дачный домовой

Елена Храмцова

Елена Храмцова

Акакий, дачный домовой

«Автор»

2023

Храмцова Е.

Акакий, дачный домовый / Е. Храмцова — «Автор», 2023

Сложно старому домовому привыкнуть к современной жизни, если он более ста лет провёл в каменном небытии. Ещё сложнее, если в душе у него глубокая незаживающая рана, а тяжёлые воспоминания тянут назад и грозят бедой новообретённому семейству. Достаточно ли отпустить прошлое, чтобы научиться жить в новом мире? Или настоящее тоже несёт в себе угрозу?..

© Храмцова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
Глава 2. Знакомство с соседом	7
Глава 3. Осмотр хозяйства	10
I. Весенняя суeta	14
Глава 4. Акакий продолжает знакомиться с новым домом	16
Глава 5. Соседи	20
Глава 6. Непутёвая	24
Глава 7. Новое семейство Акакия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Храмцова

Акакий, дачный домовый

Часть первая

Глава 1. Пробуждение

– Уа-а... Уа-а-а-а... Уа... Уа-а-а... Уа-а...

Где-то беспомощно надрывался младенец. Его настойчивые крики долбили в замутнённое сознание, пробиваясь сквозь неподъёмно тяжёлую дремоту.

– Уа!..

Последний отчаянно-истощный вопль стал той каплей, которая наконец выдернула Акакия из сковывавшего его каменного оцепенения и заставила рвануть на крики ребёнка, не разбирая дороги. По пути он налетел на пару грязных вёдер: «Эт-то ещё что за беспорядок!» – мимоходом неприятно поразился земляному полу, споткнулся о выступавший из земли странный прямоугольный серый камень, идущий через всю комнату, и почти кубарем докатился до колыбели, подвешенной в огромном проёме большой и тяжёлой двустворчатой двери.

Зацепился морщинистыми руками за выступающую кромку высокого табурета, стоявшего рядом с зыбкой, подтянулся, с трудом залез. Балансируя на краю, он бережно потянул колыбель за боковину, раскачивая, и сипло-скрипучим со сна голосом торопливо тихонько затянул:

– Баю-баюшки-баю... Баю дитятку мою... А-а-а... А-а-а... – Акакий осторожно толкал качающуюся колыбельку, а про себя кипел от негодования.

«Да где же запропастилась эта дурёха! Этакого маленького дитятю без пригляда оставила, где ж это видано!»...

– А-а-а-а... а-а-а...

«Ох, узнаю, что опять этого дурного козла на огород по капусту понесло, и из-за него молодуха младенчика оставила, все рога душному повыдергаю, чтоб неповадно было!» – мысленно возмущался он, продолжая привычным движением вперёд-назад мерно покачивать люльку.

Та была ладной, с неожиданно лёгкой и невозможно тонкой, почти невидимой, занавесью без мало-мальской вышивки. Разглядывая её, Акакий озадаченно хмыкнул. Узорчатая вышивка была обычным делом для покрывала на колыбельку. Деревенские девки частенько начинали готовить приданое будущему дитяте именно с этого. Обыкновенно даже самые неумехи и те старались пустить по краю хоть какой-нибудь да орнамент, а потому простота полотна сильно удивляла и обращала на себя внимание.

Впрочем, сама люлька сделана была на совесть. Причём сделана не из дерева, как сразу заметил Акакий, а из какой-то плоской, плотной и одновременно мягкой ткани, – совершенно непохожей на половики такой толщины, какие выходили из расхожего деревенского ткацкого станка.

Тканевая стенка люльки держала форму и даже имела по краю округлого дна выступающий угол, как у какого-нибудь медного корыта. За этот-то уголок он и раскачивал колыбель, когда вдруг понял, что движется колыбелька не совсем привычно, а как-то по-особенному мягко и бережно, – одновременно и взад-вперёд, и немного вверх-вниз. Он перевёл взгляд с

мягкого бортика на подвес и тут удивился ещё больше. Идущие от краёв люльки верёвки не были перекинута, как водится, за потолочную балку, а цеплялись за нижнюю часть толстого металлического прута, свитого наподобие огуречного уса в тугую пружину. Другим концом «ус» был подвешен к большому крюку в потолке избы. Благодаря этой мощной пружине колыбель и качалась так чудно и ладно.

«Экий умелец-то мужик у молодухи! Каку люльку славно сделал», – довольно подумал Акакий.

Младенец наконец-то успокоился и только непрерывно таращился чёрными глазами-бусинами на Акашу, прижав ко рту свой крохотный кулачок и сосредоточенно посасывая большой палец.

Одобрительно улыбнувшись, Акакий кивнул малютке и стал осматриваться, не прекращая покачивать колыбель. Обводя «избу» всё более и более округляющимися от изумления глазами, он только сейчас вдруг начал понимать, что оказался вовсе не в своём привычном и уютном доме, а в месте по меньшей мере странном, необжитом, и оттого неприятном.

Вместе с этим внезапным открытием к нему вернулась и память, до сих пор отодвинутая на задний план резким пробуждением и неожиданно упавшей на него заботой. Из рассеивающегося тумана забытья одна за другой стремительно выступали картины прошлой жизни, обрушиваясь на него, как молот на наковальню.

Сердце в груди болезненно сжалось, заныло, засосало. Так болит застарелая никак не заживающая рана, – кровоточащая, изматывающая, вытягивающая силы. Улыбка на морщинистом лице погасла. Акакий почувствовал, как его захлёстывает бесконечное отчаяние и боль. Стало сложно дышать. Ему пронзительно захотелось свернуться клубком и поскорее вновь забыться холодным каменным сном. И он почти поддался этому желанию, но... что-то извне будто бы крюком зацепилось за край его сознания, настойчиво требуя вмешательства и удерживая от падения в спасительное небытие. Акакий мучительно скривился. Едва балансируя на краю, он всё же попытался сосредоточиться на этом новом ощущении, – вопреки невыносимо горьким воспоминаниям, порывисто толкающим его обратно в пустоту. Через бушующий поток картин прошлого путающиеся мысли прорывались с трудом: «Не зря меня... ажно с того света вытянуло... Видать... помощь нужна. Нельзя... Нельзя... проваливаться... Безответственно...»

Как ни странно, это помогло.

Ожившее вперёд воспоминаний внутреннее естество домового посильнее любого человеческого чувства долга будет. Вот за него-то, как за надёжное литое кольцо, и уцепился невидимый багор, который медленно, но верно, выволок Акакия из пучины беспросветного горя на поверхность.

Глава 2. Знакомство с соседом

Приходя в себя, Акакий несколько раз с усилием сделал вдох и выдох, заставляя судорожно сжавшееся сердце биться.

Некоторое время он продолжал уговаривать себя, что предаваться болезненным думам о прошлом недосуг, – пока, наконец, ему не удалось отодвинуть гнетущие воспоминания как можно глубже в дальний угол сознания и худо-бедно восстановить душевное равновесие.

– Нечего раскисать. С настоящим разбираться надобно! – сурово пригвоздил он, окончательно настраиваясь на нужный лад, более присущий домовому.

Деловито-хмурый Акакий вернулся к изучению своего нового обиталища.

Обстановка не радовала. На первый взгляд каменные стены навели Акакия на мысль о пещере: «Погорельцы?». Но, присмотревшись внимательнее, он увидел, что стены не похожи на скальные или песчаные. Необработанные, но прямые, они состояли из больших серых каменных блоков, составленных друг на друга, – таких же, как тот, торчащий из земляного пола, о который он запнулся.

Куча спиленных сухих яблоневого веток в одном углу; в беспорядке прислонённые друг к другу грабли, вилы, лопаты в другом; вдоль длинной стены – множество полок, на которых ровными рядами стоит целое богатство, – больше двух десятков трёхлитровых стеклянных банок, но при этом сильно запylённых и явно давно неиспользовавшихся; рабочий верстак с выдвижными ящичками с инструментами, на котором тут же кучей лежат изрядно поношенные рукавицы; несколько грязных и потрёпанных жизнью вёдер, в беспорядке расставленные то тут, то там; и, наконец, в довершение всей этой неприглядной картины, огромное пятно толстой белёсой плесени на некогда красивом персидском ковре, лежащем прямо здесь же, на земле, в противоположной от двери половине помещения.

– Да что же это такое!

Разглядев это невозможное пятно, он в негодовании всплеснул руками. Неудачно переступил, потерял равновесие и, чуть не свалившись с табурета, неуклюже плюхнулся на сиденье, отчего младенец радостно загулил и тоже замахал ручонками.

И в этот момент смешавшийся Акакий вдруг понял главное и самое страшное, а именно, что печи, неременного атрибута любого нормального дома, здесь нет. Рассудительность оставила его, уступив место панике. Спрыгнув с табурета, он потерянно заковылял вдоль стен по кругу, повторяя: «Неужто опять?...» – заглядывая во все углы и щели, словно пытаясь найти случайно незамеченную ранее печь. Находя вместо этого лишь больше признаков запустения и нежилого быта, он всё сильнее погружался в тихое отчаяние. Наконец в изнеможении он сел на пол под верстак и по-стариковски заплакал, вытирая рукавами слезы.

Почувствовав неладное, ребёнок снова захныкал, и Акакий, опять забравшись на стул, вновь принялся укачивать его, шмыгая носом и размышляя о своём невесёлом положении.

Сбоку послышалось:

– Ну, здравствуй, суседко!

– И вам не хворать, – пытаясь незаметно стереть рукавом остатки мокроты на морщинистой щеке и оборачиваясь на голос, недружелюбно буркнул Акакий насупившись. Не переставая покачивать колыбель, он молча исподлобья изучал прибывшего. Дворовых, а это был он, Акакий, как и любой уважающий себя домовый, не любил. «Только этаких гостей мне ещё тут не хватало», – недовольно подумал Акакий.

Домовые с дворовыми испокон веков не ладили, уж слишком разными они были. Вечные выдумщики и пакостники, шепутные дворовые постоянно подтрунивали над серьёзными

и всегда обстоятельными домовыми. Те, в свою очередь, никогда не относились к ним всерьёз и считали оболтусами и лоботрясами, что дворовых изрядно обижало.

«Буду держать себя в руках и поскорей спроважу непрошеного гостя подальше, некогда мне тут любезностями обмениваться», – угрюмо решил про себя Акакий, который уж точно был сейчас не в настроении обмениваться колкостями со своим извечным недругом.

Дворовой был моложав, веков пять, не больше. Держался степенно, и быстро уходить явно не собирался. Темно-пегие волосы были прибраны в хвост, на голове немного набок сидела плотная льняная шапка с отворотом. Глаза смотрели спокойно, внимательно и строго, без следа прищура или столь типичной для их народца издёвки.

– А мы уж тебя заждались. Думали, не объявишься. Давно пора! Третий десяток почитай уж как дом да без хозяина-то... – спокойно, и, казалось бы, вовсе не вредно, проговорил он. – Такой ладный дом, да без хозяина, – негоже.

Это с виду безобидное замечание стало последней каплей для измученного невесёлыми мыслями домового. От едва восстановленного равновесия не осталось и следа. Негодование снесло остатки выдержки Акакия, и он, несмотря на только что данное самому себе обещание не вестись на поддёвки, сорвался.

– Ла-а-а-адный?! – яростным шёпотом взвился он, – Да ты надо мной, что ль, издеваться вздумал, ирод? Как землянка какая! Ни скамьи, ни стола, ни полатей! А грязница! Да сараюшка не прибрана, – и та приличнее смотрится! Хоть сколь-нибудь захудалой печи-мазанки не соизволили поставить!... В такой хате и собаку поселить стыдоба, а они дитё разместить вздумали! А мать-то, мать! Младенчик ревет-заливается, а она где?!

– Да ты погоди, погоди, причитать-то, – сконфуженно проговорил гость... – с работы ей позвонили, за домом ругается, не слышит поди, вот и не подходит. Который месяц уж, как в отпуске с дитём, а все никак отстать не могут. Тьфу ты ну-ты! Прямо как крепостная, – с досадой закончил новый знакомец и вздохнул.

– С какой такой работы? Это с покоса, что ли, да колокольцем позвонили? – язвительно проговорил Акакий, а про себя подумал, точно ли всё в порядке с головой у нового знакомого.

– Да сколько ж ты спал-то, что таких простых вещей не знаешь? – изумлённо протянул дворовой.

– Каких таких вещей?! – снова взъярился Акакий. – Что избу можно без печи ставить? Что можно жить в доме, который хуже коровника?! – спрыгнув с табурета, потрясая сжатыми кулаками и наступая на гостя, яростно полушипел-полухрипел он, из последних сил стараясь не сорваться на крик, чтобы не напугать малышку.

Дворовой попятился, в примирительном жесте подняв руки, и миролюбиво увещательным тоном проговорил:

– Охолони! Ишь разбушевался! Счастья ты своего не понимаешь. Ну да разберёшься ещё. Пойду я. Мы со Степанко на соседнем участке живём, как выйдешь, дом слева. А меня Федотом кличут. Ты, как остынешь да подразберёшься, заходи в гости. Мало нас осталось, надо держаться вместе, – снова вздохнул Федот и вразвалочку, слегка припрыгивая, пошёл в свою сторону.

Акакий несколько раз тяжело и шумно вздохнул-выдохнул, стараясь хоть немного успокоиться и вернуть себе вновь нарушенное равновесие. «Вот ведь тоже выдал "В гости!", ирод!» – наконец успокоившись, фыркнул он.

Устав от пережитого, Акакий уселся на краешек табурета и, продолжая тихонечко покачивать колыбель, крепко задумался. На его удивление, Федот вовсе не выглядел вредным и ехидным, как это полагалось любому уважающему себя дворовому. Даже удачно подколов

домового, тот ни единой ухмылкой не показал своего злорадства над его, Акашиным, незавидным положением. «Может, я действительно чего не понимаю?» – озадаченно подумал Акакий и посмотрел на кроху.

Малютка уже совсем успокоился и в данный момент хоть и не спал, но был занят тем, что сосредоточенно изучал пальцы на своей ноге, подтянув её к себе обеими ручонками.

«Что толку горевать, когда принимать хозяйство всё равно надобно, какое уж ни на есть», – покоровшись неизбежности, наконец заключил Акакий и решительно отправился исследовать новый дом по второму кругу, но уже со всей своей обычной обстоятельностью.

Глава 3. Осмотр хозяйства

Первым делом Акакий, уже без паники, не спеша и вдумчиво вновь обошёл помещение. Осмотрел тяжёлые металлические двери, в проёме которых висела люлька, – они куда больше подошли бы на роль ворот в какой-нибудь крепости. Внимательно оглядел и дотронулся своими большими грубыми руками до равнодушных каменных стен без следов извёстки. Исследовал незамысловатую хозяйственно-огородную утварь. Тщательно осмотрел и ощупал со всех сторон деревянный верстак, весьма потрёпанный и ранее часто используемый, – до сих пор хранивший память об умелых руках, но сейчас заставленный чем ни попадя. Заглянул в доверху заполненные ящики с инструментами.

Задумался, обнаружив сбоку не сразу замеченную им неказистую деревянную дверь, заставленную мётлами, лопатами и тяпками: «Заброшенная подсобка? Неужели жильцам лень дверь открыть, чтобы поставить лопаты внутрь? Али она для чего другого предназначена?».

Сбоку от ковра в дальней части комнаты нашёлся люк, явно ведущий в погреб. Было видно, что им, хоть и не часто, но пользовались. С одной стороны, это хорошо, ведь погреб – неременная часть быта, без которого обычной деревенской семье невозможно существовать, – иначе как хранить припасы на зиму? С другой, это ещё сильнее озадачило Акакия.

Погреб говорил о том, что помещение изначально задумывалось, как дом. Его всегда копают первым, когда строят новое жильё, отселяясь от родителей или переезжая. Но при этом люк погреба обыкновенно стараются разместить поближе к кухне, чтобы было недалеко бегать за соленьями при готовке пищи. А вслед за погребом, прежде чем возводить стены и крышу, всегда ставят печь. Но именно печи-то тут и нет, как и вообще ничего, что хоть как-то напоминало бы на кухню или обеденную зону.

Всё выглядело так, словно этот дом по какой-то непонятной причине построили в виде ящика, поставленного прямо на землю. Будто люди выкопали погреб и после этого просто возвели вокруг стены и потолок, не удосужившись ни поставить печь, ни настелить нормальный деревянный пол, ни побелить извёсткой стены. Но это было просто невозможно, непостижимо, немыслимо! Как выжить зимой без печи?! Не говоря уж о том, что и еду тоже готовить где-то надобно. Не на открытом же огне, как в каком-нибудь военном походе или на дальнем покосе, когда до ближайшего поселения топать и топать.

Размышляя таким образом, Акакий пришёл к выводу, что по-настоящему проживать в этой комнате решительно невозможно. Даже если ему не повезло теперь жить у погорельцев, и им просто-таки пришлось переселиться в это нечто среднее между каменным сараем и столлярной мастерской, жилым духом здесь точно не пахло. Даже погорельцам нужно из чего-то есть и пить, на чём-то спать. Не на этом же жутком ковре с плесенью, в самом деле! Верстак есть, и рубанок вон даже среди инструментов лежит, так что какой ни на есть, а мало-мальский настил для спанья настоящий мужик с таким инструментом своему семейству бы сделал.

«Положим, что мои нынешние все же погорельцы, а строение не было задумано изначально, как дом, – озабочено рассуждал Акакий про себя. – Добрые соседи просто пустили незадачливое семейство пожить в какой-то каменный пристрой. И погреб этот у соседей вовсе не основной, а как дополнительный выкопан. А столуются и спят они где-то в другом месте, вместе с хозяевами этой неприбранной...»

Он никак не мог подобрать слова для обозначения этого помещения. На мастерскую оно точно не тянуло, – ни один хозяин такого бардака и нагромождения ненужных вещей в своей мастерской бы не потерпел. Но и верстак с инструментами где попало тоже обычно не ставят...

Послышались быстрые лёгкие шаги. Акакий тихонько попятился и как можно плотнее вжался в проём между двумя ящиками. Замер, сливаясь с инструментами и становясь почти незаметным даже самому внимательному человеческому глазу.

На самом деле редко кто из людей, а тем более взрослых, обладал способностью видеть домовых, но тем не менее изредка такие всё же попадались. Не зная обитателей своего нового дома, Акакий решил, что осторожность не помешает, и поостерёлся.

К колыбельке подошла молодуха. Впрочем, сейчас назвать её так у Акакия язык бы не повернулся. До молодых дородных крестьянских девок, про которых можно было сказать «кровь с молоком», матери младенчика было далеко. Она была явно старше, чем обычная деревенская деваха, выкармливающая первенца. На лицо вроде симпатичная, но какая-то слишком уж худосочная и бледная.

«Неужто чахоточная?» – подумал он. Акакий видел такое пару веков тому назад в своей деревне, – обычно именно так выглядели домочадцы дворянского семейства, изредка выбиравшиеся из столицы в своё родовое имение.

Одета хозяйка была в лёгкие простые мужского кроя широкие штаны и рубаху с чужого плеча, – «Ну, точно погорельцы!», – но не босая, а в лёгкой странной обуви, больше напоминающей просто подошву с тонкими ремешками поверх пальцев.

Нахмуренный лоб пересекала морщинка, выдавая тяжёлые думы. Выражение лица было сердитым и озабоченным, а складка на лбу и напряжённый взгляд делали лицо почти старым и каким-то очень уставшим.

Хозяйка скорым шагом подошла к колыбельке. Увидев, что ребёнок уже проснулся и радостно загулил при виде неё, улыбнулась. Морщинка тут же исчезла, разгладив высокий лоб. Мягкая улыбка преобразила лицо, сделав его значительно моложе и милостивее.

Только сейчас Акакий вдруг почувствовал мягкое, исходящее от молодухи тепло, незаметное людям, но всегда подсознательно ощущаемое ими, – от которого всем поблизости становится хорошо и радостно на душе, – и за которое домовые особенно любили крестьянские дома с крепкими и ладными семьями.

Потерянного Акакия накрыло почти забытым, стремительно наполняющим его ощущением благодатного человеческого тепла. Только тут ему, наконец, немного полегчало.

«Ну хоть настоящая МАТЬ, слава всем небожителям и Велесу! – выдохнул он, – Быть может, всё и в самом деле не так плохо? А ежели мужик с руками, так, глядишь, и нормальный дом с печью справит... Всё ж таки, что это с ними приключилось? И где это я?»

Убедившись, что мать дитяти, как и большинство людей, его совершенно не замечает, Акакий решил продолжить осмотр снаружи, тем более что младенец теперь был под присмотром.

Озадаченный домовый вышел из тяжёлых ворот и огляделся. Была середина лета, по времени около полудня. Высокое солнце припекало, и на дворе было очень жарко.

Прямо перед Акакием открывалась небольшая ровная зелёная поляна с очень короткой травой, – такие поляны бывают на опушках леса, где регулярно выпасают скот. Но ни самих коров или коз, ни неопровержимых следов их выпаса видно не было. Это удивляло, впрочем, уже не слишком сильно.

Правее высилась баня. Баня была знатной! Срубленная, как и полагается, из толстых круглых сосновых брёвен, теперь уже потемневших от времени, она гордо и основательно стояла на своём постаменте. Над крышей виднелась печная труба. Аккуратное крыльцо бани и непривычно большое окно предбанника внимательно смотрели в сторону ворот, откуда вышел домовый.

Очередной неожиданностью стал вьюн, который плотно и очень густо обвил баню снаружи, забравшись под крышу. Акакий не особо разбирался в растениях, но таких точно ранее не видел. Впрочем, название незнакомого растения его волновало в последнюю очередь – «чай, не леший!», – а вот само наличие вьюна в таком плотном соседстве с банькой изрядно рассердило.

«Ежели они погорельцы, то жизнь уму-разуму явно не учит. Кто ж позволяет под крышу выюнцам-то залазить! Ведь доберётся до трубы, – нагреется да вспыхнет, – беды не миновать!».

Тем не менее, несмотря на эту явную неразумность его нового семейства, наличие бани весьма приободрило и порадовало Акакия.

Левее поляны, отделённый неглубокой межей, начинался соседский участок, на котором стоял большой и тоже бревенчатый дом, скорее даже терем. Обширный подклет, высокое крыльцо и мощная двускатная крыша внушали уважение. Труба, величаво возвышающаяся над крышей, прямо заявляла, что уж в этом-то доме с печью всё было в порядке.

«Ух ты, о двух этажах! Знатно, знатно. Поди, соседи моих погорельцев и есть, – хмыкнул Акакий, вспомнив, как недавний знакомец Федот пригласил его в гости. – Видать, и в самом деле добрые соседи, коль даже мало-мальской изгороди между друг другом не поставили».

Соседский дом стоял от дороги довольно далеко и не имел даже палисадника, зато почти у самой дороги перед домом внезапно обнаружились неказистые грядки с морковью, свёклой и зеленью. Акакий невольно поморщился.

Через каменистую дорогу, на отдалении, стоял ещё один довольно большой двухэтажный дом. «Экие богатеи тут живут!». Перед ним тоже стройными рядами располагались гряды с посадками. Какой-то намёк на цветник был только у самого дома, почти спрятанный от посторонних глаз. Зато сразу за домом, отделённый от него всего парой саженей, стоял высокий забор, за которым начинался тёмный, густой лес.

«Ничего не понимаю, – в очередной раз удивился Акакий, – как так? Огороды да баня наружу торчат, на самом красном месте, а такой знатный дом к лесу притулился, как на задворках спрятанный. Это что же такое происходит в миру-то? Всё как с ног на голову перевернулось!».

Стена Акакьева нового дома снаружи не отличалась по виду от внутренней, – такая же серая и неприглядно шероховатая. Намереваясь обойти свой земельно-каменный пристрой по кругу, он свернул за угол и обнаружил идущую вдоль стены короткую тропинку. Заканчивалась та аккуратно у маленького деревянного «скворешника» с неожиданно красивой ярко-вишнёвой крышей. Назначение этого строения сложно было с чем-то перепутать. Почти сразу за ним, через неглубокую межу начиналось заросшее, давно заброшенное поле, полного крапивных зарослей и ивовых кустов.

Акакий завернул ещё за один угол и на мгновение опешил. Эта стена была явно длиннее, чем ширина комнаты. «Ах, точно! Там же дверь в подсобку была. Только что-то уж больно большая подсобка получается, – прикидывал про себя он, – шагов 20 моих-то будет. Это ж кому такая огромная подсобка может понадобиться?».

Он прошёл вдоль стены, считая шаги и любясь растущими рядом с ним плодовыми деревьями. Порадовался обилию яблочек на большой красивой яблоне, одобрительно хмыкнул: «Кормилица!».

За яблонькой обнаружилась ещё одна, сильно меньше первой, и...

– Слива! Да уж ты ну ж ты! – воскликнул Акакий, не без труда признавая небольшие жёлтые округлые плоды.

Этот фрукт он и видывал-то всего один раз, а на вкус даже пробовать не доводилось. Случилась как-то оказия, что прапрапрадед его последнего хозяина, будучи ещё крепостным, сумел услужить барину. Так тот его от щедрот одарил целой горстью таких плодов, детишек побаловать, – привезли ему откуда-то из-за границ. А тут прямо рядом с земляным сараем, да ещё и без забора этакая невидаль растёт! «Ну дела-а-а...».

Он снова завернул за угол. Небольшие и изрядно-таки заросшие грядки с хилым урожаем. За очередной межей ещё один дом, – уже поменьше прочих соседских, в один этаж, но тоже довольно большой и широкий, – хорошая изба вполне себе зажиточных хозяев. Самый скромный по сравнению с соседскими, этот дом был поставлен чин по чину, – окнами на дорогу

и небольшим красивым палисадником перед ним, с разнообразными, необычно крупными и яркими цветами.

Акакий задумался. По всему выходило, что земли вокруг дома всего ничего, раз куда ни поверни – везде соседские дома стоят.

«Ежели за домом хозяйская земля, отчего ж не возделывают, с чего кормятся? А если не ихняя, – тем паче. Совсем мало для пропитания-то будет... Отчего сплошь поляны оставлены? Али в другом месте где сады-огороды расположены?».

Размышляя таким образом, Акакий дошёл до «своей» бани, заодно проверяя догадку, – вдруг здесь палисадник перед баней? Странно, конечно, этак было бы, но ведь и саму баню на красное место не ставят обычно. Однако там он обнаружил только заросли малины, изрядно заросшие сорняками, да крохотную тепличку из старых окон с тут и там отколотыми стёклами. Сквозь стекла были видны уже начавшие желтеть лианы огуречных кустов.

«Мда-а-а...», – протянул себе под нос Акакий.

Здесьние обитатели, по всей видимости, особо перед дорогой красоту наводить не стремились. Устав удивляться такому явно наплевательскому отношению к тому, что скажут прохожие по дороге люди, Акакий только горестно покачал головой. Обогнул баню и остолбенел.

Только сейчас он увидел постройку, из которой вышел, целиком. Это был дом поболее соседских. Над серым этажом из каменных блоков возвышался второй, деревянный. Поверх него – ещё один такой же, но увешанный в дополнение высоченной крышей. Будто прямо сверху на серый ярус поставили большой деревянный дом по образу соседского, – лишь дерево стен на срубе было сложено не из круглых брёвен, а отёсанных квадратных.

– Ёшки-матрёшки!.. – только и смог произнести Акакий.

I. Весенняя суета

Звук ключа, проворачиваемого в замке надёжной железной двери, прервал поток воспоминаний Акакия о его пробуждении в теперешнем доме.

– Ну наконец-то гости пожаловали!.. – радостно-ворчливо пробормотал себе под нос Акакий.

Он поспешил укрыться в тёмном углу под лестницей в прихожей.

– ...Така теплынь уж третью неделю стоит, все грядки того и гляди сорняками пойдут, теплица до сих пор не подготовлена, поляна от листа с осени не убрана, и где ж вас только носило... – по-стариковски скрипуче ворчал он себе под нос, не забывая внимательно поглядывать на заносимые в дом сумки.

Безошибочно определив, что вещей привезено как минимум на неделю, домовый довольно хмыкнул и помимо своей воли расплылся в широкой улыбке. От уголков глаз в разные стороны побежали лучики глубоких морщин.

Слегка косолапая и прихрамывая, Акакий поковылял вверх по лестнице, – наблюдать за раскладывающимися в комнатах на втором этаже вновь прибывшими.

Конечно, это были никакие не гости, а хозяева его дома. «Но, ежели начистоту, – то и дело рассуждал про себя Акакий, – какие ж они хозяева, если их житья здесь наберётся, Велес не даст соврать, три-четыре седмицы в году?» – и по праву считал себя полновластным владельцем всего садового хозяйства в десять соток.

Подворье, говоря по правде, было не то чтобы очень. Со старыми деревенскими избами с непременно большим огородом, полем картошки, двумя-тремя теплицами и обязательным хлевом с курами, гусями, кроликами, свиньями, и, естественно, коровой, даже и не сравнить! Но это всё ж таки лучше, чем городские «хоромы», как едко отзывались о них немногие обитающие в дачах по соседству домовые, счастливые обладатели жилья на свежем воздухе рядом с бором.

И в данный момент Акакий действительно был почти счастлив. Этого дня он ждал уже больше месяца. Домовой давно выучил все повадки жильцов и прекрасно знал, что как только земля начнёт подсыхать после таяния снега, «городские» обязательно потянутся на дачи. А значит, и «его» тоже начнут навещать почаще. Не за горами время, когда старшие приедут на неделю другую, а там, глядишь, и любимых им внучек-проказниц привезут.

Он споро, насколько позволяла больная нога, прошмыгнул в обжитой им угол-чулан под лестницей на втором этаже. Удовлетворённо вздохнув, привычно устроился среди нагромождённых друг на друга мешков с различными вещами. Те были привезены хозяевами на дачу в разное время за ненадобностью и теперь терпеливо ожидали, когда же у владельцев, наконец, дойдут руки их разобрать. Ждать, судя по всему, предстояло долго. Зато на них было удобно сидеть, а тюлевая занавеска, огораживающая угол, делала обиталище Акакия почти уютным.

Домовой с прищуром поглядывал через узорчатую ткань на домочадцев, снующих туда-сюда в хлопотах прибытия.

Все двери и окна были нараспашку, – проветривали застоявшийся за долгое время воздух. Домашние суетились: споро разбирали привезённые вещи, суматошно перемещались по комнатам и периодически чуть не сталкивались лбами, кидаясь за одним и тем же пакетом.

Приехали сегодня почти все и как-то враз: взрослое поколение, старшая дочь с мужем, их дочка и племянка. Не хватало только младшей дочери – Ники, у которой на работе «опять завал», и потому вторую внучку старшие привезли сами.

Долгое время Акакий всерьёз считал, что Ника работает на какой-то шахте, и потому ей всё время приходится разгребать то и дело обрушивающиеся каменные своды.

Набольший семьи, Всеволод Семёныч, уже переоделся, как он любил шутливо говорить, в «рабоче-крестьянскую одежду». Вооружившись граблями, он быстрыми и размашистыми движениями очищал поляну от осеннего листа, радуясь долгожданной простоты и незамысловатой физической работе. Его миниатюрная жена, ласково окликаемая супругом не иначе как Верушка, хлопотала на кухне. Вот она закончила раскладывать по местам привезённую снедь, и, нахмурившись, сейчас сердито смотрела в холодильник, – «забыли, небось, что-нибудь», – подумал про себя Акакий.

Внучки Агатка и Настюшка, пяти и семи лет от роду, сразу придумали себе какую-то игру. Они начали было раскладывать посреди комнаты большой замок, увлечённо обсуждая, кто каким персонажем будет играть. Но мама младшей Агаты тут же пресекла их намерение, шутливо-грозно заявив, что если они сейчас же не найдут себе занятие на свежем воздухе, то примут непосредственное участие в разборе кипы мешков с их собственной одеждой, оставшейся на даче с прошлой осени.

«Давно пора!» – не преминул поддакнуть хозяйке полностью согласный с ней Акакий, поддерживая правильное начинание.

Девчонок после этих слов, естественно, как ветром сдуло. Перспектива провести кучу времени, отделяя то, что уже мало, от того, что ещё можно носить, смешливую парочку ничуть не вдохновляла. Сорвавшись с места, они махом забросили всё обратно в корзину с игрушками и со смехом поспешили ретироваться с глаз «строгой тётки Алёны» – как маму Агатки называла Настя.

– Ох и сердитая! – насмешливо потянул Александр, папа Агаты.

Он чмокнул в макушку улыбнувшуюся ему в ответ жену и поспешил вслед за девчонками, чтобы не путаться почём зря у неё под ногами.

Акакий слегка хмыкнул, но потом не выдержал и снова расплылся в улыбке. В радужке лучащихся сетью глубоких морщин янтарных глаз заиграли искорки.

К этому времени он уже отлично понял, что ему действительно повезло с новым семейством. Все они были дружными, весёлыми, и всегда приносили с собой в дом ощущение мира и согласия. А эти двое нравились ему особенно, – домовый хорошо чувствовал, когда в семье по-настоящему царили лад да любовь.

Конечно, ежели по Акакию, детей могло бы быть и поболее, – он никак не мог примириться с тем, что по нынешним временам нормой считается один-два ребёнка в семье, а три – уже очень много. О привычных когда-то Акакию семьях с пятью- и большим числом детей-погодков можно было и не вспоминать, – современные люди, услыхав о подобном, по большей части просто крутили у виска, что приводило Акакия в большое расстройство. Но тут уж ничего не попишешь.

Убедившись, что девчонки убежали, Акакий выбрался из своего укрытия и потихоньку стал пробираться вслед за папой Агатки к выходу. Пусть взрослые домового и не видят, а вот мелконькие-то ещё вполне могут заметить, и осторожность не помешает.

В его голове вновь сами собой начали всплывать воспоминания о его первом дне в нынешнем доме...

Глава 4. Акакий продолжает знакомиться с новым домом

Отойдя от изумления, Акакий направился обратно ко входу в этот огромный дом.

Вокруг было на удивление тихо. Похоже, в доме кроме матери с ребёнком – никого. Акакий резонно рассудил, что обыкновенно они вряд ли живут в таком большом доме одни, а значит, стоило воспользоваться случаем, чтобы спокойно обследовать новое место жительства и, в идеале, найти наиболее уютный и неприметный уголок, – будущее пристанище Акакия на ближайшие пару веков, если, конечно, повезёт.

В серой стене левее больших ворот располагалась открытая настежь дверь, – поменьше, но тоже очень мощная и железная, как и ворота. Убедившись, что мать занята ребёнком, не особенно обращает внимания на окружающее и заходить в дом не собирается, Акакий прошмыгнул внутрь.

Прихожая, если это была она, оказалась явно мала для этих целей. Небольшое помещение с лестницей, ведущей на второй этаж, было сплошь заставлено и завешено бесчисленным количеством обуви и верхней одежды самого разного размера и фасона.

«Ишь, бардак какой развели!» – скривился Акакий и торопливо похромал к лестнице мима раздражающего беспорядка. Еще одну дверь сразу напротив входа в прихожую, он проигнорировал. «Успею еще в подсобку заглянуть, всё одно ей никто не пользуется, раз с другой стороны огородной утварью заставлена».

По ступенькам, высоким даже по людским меркам, взбираться было сложно. С трудом справившись с подъёмом на второй этаж, Акакий обнаружил себя на большой и широкой веранде. На втором этаже было ощутимо жарче, чем внизу, и раскрытые настежь окна, видимо, не очень-то спасали от зноя. «Может, поэтому мать с младенчиком-то в подклете и отсиживаются? – задумался он, – спасаются от жары?».

Веранда оказалась вполне себе приличной и обжитой. Здесь стоял длинный обеденный стол, окружённый множеством стульев; вдоль стен – красивые подвесные и напольные шкафчики с разной посудой, и... странный гладкий белый здоровенный ящик, поставленный на попа. Акакий пожал плечами, огляделся.

По всему выходило, что это обеденная комната. Одна беда – и здесь ничего похожего на мало-мальскую печурку или хотя бы железную компактную буржуйку не было. Как и непременно для чаепития пузатого самовара.

Разочарованный Акакий направился к ещё одной, на этот раз уже деревянной, двери. За ней оказалась большая комната, смежная с двумя комнатами поменьше. Акакий присвистнул: во всех трёх светлицах на полах лежали мягкие ковры, стояли большие отдельные кровати и столы с письменными принадлежностями.

«Надо же! Интересно, это мои такие богатеи грамотные оказались, али молодуха в услужении у купцов каких? – с недоумением подумал он, но тут же одёрнул сам себя, – Какие богатеи, из ума выжил, старый! Видно же по одежке, из простых молодуха будет».

Пыхтя и чертыхаясь от натуги, Акакий поднялся по крутой лестнице на третий этаж. Уже не удивился, не обнаружив там сеновала. Занавески в распахнутых окнах, которые вытянул наружу и полоскал ветер, заранее красноречиво показали домовому, что ожидать под крышей обычного сена не стоит. Да и из построек перед домом ничего даже отдалённо не напоминало какого-либо коровника или хлева для свиней и коз.

Он вдруг понял, что вообще ничто не свидетельствовало в пользу того, что люди держали хоть какую-то домашнюю скотину. «И что ж они едят-то зимой?...» – мелькнуло вскользь в голове домового.

Акакий отмахнулся от этой мысли и начал внимательно изучать просторную комнату с деревянными тёплыми и уютными стенами под скатами крыши. Две кровати, маленький стол с большим тройным зеркалом, ряд низких стеллажей с множеством книг вдоль одной из крыш.

Ничего нового, если бы не здоровенный прямоугольный стол прямо по центру комнаты с высокими бортами и плетёными сетками по углам и в середине бортов. «Это ещё что за невидаль?..». Забравшись на кровать, Акакий обнаружил, что стол затянут зелёным сукном, а на нём лежат разноцветные круглые шары, собранные в треугольник.

Он задумчиво, медленно и осторожно пятясь задом, чтобы не упасть, со ступеньки на ступеньку спускался обратно по лестнице.

Дом, как и земля вокруг него, обескураживали. Сам дом хоть и большой, но не господский – отдельного жилья для слуг он не приметил. Тем не менее и на обычную крестьянскую избу-пятистенку он никак не тянет. Вокруг, опять же, ни амбара для запасов, ни хлева для домашней скотины.

Кроватей Акакий насчитал человек на пять, не меньше, – и то, это ежели спать по-царски, в одиночку, каждый на своей кровати. Но дом не производил впечатления покоев каких-нибудь князей, а значит, и жило в нём человек семь – девять, не меньше. Однако, кроме матери с ребёнком, вокруг никого не было. Ладно, мужчины могут быть где по делам. А другие детки где? Судя по всему, годков матери было прилично, и вряд ли младенец был единственным ребёнком. Но в доме и вокруг, кроме матери с ребёнком, никого не было.

Дом вроде и обжитой, но без печи. Вновь вернулась отогнанная ранее и сейчас зудевшая как назойливый комар мысль: «Да чем же они питаются-то всё ж таки? Этим их святым духом, что ли?».

Акакий снова смахнул её в сторону... и вдруг с изумлением понял, что святых-то образов он в доме и не увидел. Не то чтобы Акакий огорчился этому факту, – он, как и другие домовые, христианскую веру и этого людского триединого бога не очень-то жаловал, – но данное обстоятельство стало ещё одним более чем странным кусочком в разваливающейся пёстрой мозаике, которая никак не желала собираться в единую картину перед Акакием. Ведь в любой человеческой избе, доме, хате или даже землянке, обязательно был красный угол, в котором непременно стояла икона со свечечкой перед ней.

«Кто ж такие владельцы этого дома, что даже своего триединого не очень-то почитают? Али они и вовсе из язычников? – призадумался Акакий, – Да нет, не может быть!.. С чего б тогда я-то тут проснулся? У древневеров хоть как был бы свой родовой домовый».

– Чудно-о-о-о-о..., – потянул он тихонько вслух.

Спустившись вновь на первый этаж, Акакий заглянул в «подсобку», которая, как выяснилось, таковой отнюдь не являлась. В комнате, соединённой двумя дверьми с «сарая-мастерской» и «прихожей», стоял мягкий диван и небольшой стол с кухонной утварью. Вдоль стены – высокий шкаф с банками, но уже не такими пыльными, как в том помещении с земляным полом, где висела люлька.

Не смотря на деревянный пол, в комнате было сыро. Очень сыро.

«Как в погребе... или землянке», – словно всполох, мелькнула мысль, отчаянно и больно кольнув в сердце. Оно послушно отозвалось, заныло. Охнув, Акакий на секунду задержал дыхание, восстанавливая равновесие, и поспешил ретироваться восвояси, уже даже не пытаясь понять назначение этого помещения.

Устав от осмотра странного жилища Акакий решил, что уже достаточно ознакомился с домом. По его прикидкам, укромных мест, где можно было бы с относительным комфортом

обосноваться, здесь хватало. Он мог укрыться под одной из лестниц, – хоть на второй, хоть на третий этаж, – или облюбовать себе какой-нибудь угол под скатами крыши, за тумбами с книгами или за каким-нибудь из кресел.

«Побуду пока поблизости от младенчика, раз меня сюда принесло. А там, глядишь, и остальные обитатели этого странного жилища вернутся. Может, по разговорам лучше пойму, что да как», – подумал Акакий и направился обратно в сторону не то сарая, не то мастерской. Вернувшись к большому проёму ворот, он услышал, как молодуха напевает незнакомую ему песню. Та звучала странно, непривычно. Мотив был распевным, мелодичным, но каким-то... тревожным что ли... Акакий прислушался. Покачивая колыбель, мать младенчика неожиданно красивым глубоким голосом нежно и немного грустно пела:

*Далеко, в краю чужом
За морями, странами
Вдоль дороги стоит дом, стены деревянные.
Вокруг дома тут и там
Тени ходят медленно,
И слышна по вечерам песня колыбельная...
Колыбельная...*

*В этом доме много лет
печь стоит белёная
А в печи горячий хлеб, молоко топлёное.
Спать ложится домовый
Под скрипучей лестницей,
И кружат над головой звёзды с полумесяцем...
Полумесяцем...*

В тексте использованы слова песни «Колыбельная», группы «Лакмус» (автор стихов Ирина Акимцева, 2011 год).

Видя, что ребёнок засыпает, она всё тише и тише тянула на мотив песни протяжное «М-м-м-м-м... М-м-м-м-м...».

При этих словах Акакию вдруг почудилось, что он наяву почувствовал запах топлёного молока и свежего хлеба, только что вынутого из печи. Голова чуть закружилась от нахлынувших и переполнивших его чувств и воспоминаний, которые в кои-то веки были не давящими и выматывающими душу, а тёплыми и добрыми...

Небольшой тёплый бревенчатый дом-пятистенок, посреди дома добротная по-жаркому натопленная печь, на которой подходит молоко... Домотканые полосатые половики на полах, деревянные лавки. Раскрасневшаяся от жара Марьюшка только-только достала хлеб из печи и сейчас раскладывает по глубоким мискам из большого глиняного горшка похлёбку из картофеля с мясом... Совсем молодой Петро тетешкается с маленьким Илюшкой, которому нет и полугода, – тормозит, подбрасывает сына над собой, – тот в ответ заливается радостным смехом...

От воспоминаний в груди снова кольнуло, но, на удивление, совсем не так больно, как раньше, и почти сразу отпустило. На душе Акакия потеплело: «Ах, кака колыбельная-то хорошая! Странная, не нашенская, но слова-то, слова! И про домового есть, всё честь по чести!»...

Он задумался.

«Ничего не понимаю. Ну не может быть дома без печи у семейства такой ладной молодухи, как пить дать! Верно, и впрямь я очень долго спал. Надо выяснять в чём соль да дело, иначе никак», – мысленно содрогнувшись, нехотя заключил про себя Акакий.

У него ушло немало времени на то, чтобы перебороть своё внутреннее, природное, корнями пронизывающее его насквозь нежелание покидать жилище, вызвавшее домового к себе. Наконец, Акакий всё же преодолел путы и с содроганием направился к соседскому дому слева, в сторону которого парой часов ранее удалился его незванный гость Федот.

Глава 5. Соседи

Вход в соседский дом имел обычное для деревенских строений крыльцо. Прямо на крыльце почти перед самой дверью нелепо начиналась лестница на второй этаж, которая загромождала проход и не давала нормально открыть дверь. Вокруг крыльца и под лестницей груды возвышались всевозможные ящики, коробки и мешки, забитые не поймёшь чем. Под лестницей-то среди всего этого барахла и сидели новые знакомцы Акакия, Степан с Федотом.

Акакий, который ещё на подходе к дому заметил, что на соседском участке царит бардак, сначала не придавал этому значения, но теперь искренне ужаснулся: «Хозяин-то соседский не особо заморачивается с кладовкой для хранения своего хлама. Видать, использует первый попавшийся угол, и вся недолга».

Он внимательно посмотрел на соседа-домового.

Степанко оказался немногим моложе Акакия, но старше совсем юного Федота. И, в отличие от Федота, по Степану сразу было заметно, что житьё его неважное. Горестно заломленные брови; слезящиеся глаза; опущенные уголки губ будто бы никогда не улыбающегося рта; всклокоченная борода и нечёсаная шевелюра; грязная неопрятная рубашка, повязанная обрывком верёвки; дырявая обувь на босу ногу, – всё в нём буквально-таки кричало о точившем изнутри недуге.

Этот недуг был знаком Акакию. Сказать по чести, он и сам, наверное, выглядел сейчас немногим лучше, – от хорошей-то жизни каменным сном не засыпают. Но у него другое дело, а тут...

Степану явно худо, и худо уже давно. Похоже, что он потерял надежду изменить что-либо в своём семействе в лучшую сторону, и потому сгорает медленно, но верно, как толстая и с виду крепкая, но далеко не вечная восковая свеча.

Домовой с дворовым сидели за стареньким столом и пили чай из разномастных чашек с отбитыми краями, примостившись один – на тук с какими-то тряпками, другой – на грязный деревянный ящик из-под картошки.

– Ну здравствуй, суседко! – точъ-в-точъ как недавеча Федот, поприветствовал Акакия заметивший его Степанко. – Акакий, стало быть? Присаживайся, сейчас чайку нальём, с печеньем. Федот вон только-только травяного сбора с мятой заварил, как чувствовал, что заскочишь скоро на огонёк-то. Рады знакомству!

– И вам не хворать, добрые соседи! Не побеспокою?..

Акакий нерешительно топтался на пороге. Не так уж часто домовые покидали свои дома, а чтоб ещё и по чужим гостями ходить, такого и вовсе отродясь не бывало, и он чувствовал себя не в своей тарелке.

– Проходи, проходи, сосед, мы завсегда рады гостям! Устраивайся поудобнее. Ежели чего, знай, чаем завсегда угостить можем. Что-что, а чаи гонять наши хозяева любят, никогда чайник не остывает, коли они тут. У нас и пряники есть, мятные! Прямо как в старые добрые...

Акакий боком неловко протиснулся между старыми ящиками в крохотный угол и осторожно пристроился на небольшую кипу газет у стены.

Степанко проследил глазами его путь, окинул вслед за Акакием место, где они сидели, как будто увидел его впервые, и брезгливо поморщился. Потом тряхнул головой и вперился пристальным взглядом в Акакия.

– Федот говорит, спал ты долго. Похоже, и впрямь... раз в этот же день прийти смог. В первый раз, знаю, ой как сложно себя от дома-то отрывать. Видать, сильно прижало. Понял хоть, где оказался? Нет?

Акакий в ответ отрицательно мотнул головой.

– Ох-хо-хо... – Степанко тяжело вздохнул. – Как же ж тебе объяснить-то. Дачи это. Садовые участки, лесий их дери. Люди здесь не живут, а только приезжают «отдыхать» и «дышать свежим воздухом». Сначала забьются в душные города, как в консервные банки, а потом за глотком лесного воздуха утиными косяками в свои сады на выходные подаются. Ни дом, ни квартира, ни жильё, ни сторожка... Бывает изредка разве, что кто-то из старших сюда жить перебирается, когда сами из деревни – хоть и не свой родной дом, а всё не в городе сиднем сидеть да молодёжи глаза мозолить.

Акакий, несколько ошеломленный напором Степанко, молчал, с трудом пытаясь осмыслить вываленную на него информацию. Как же это так, «не живут?». В голове эта мысль никак не помещалась, она казалась неправильной, лишней, – странной ошибкой, которая не могла быть правдой. Он решил, что что-то недопонял, и отмахнулся от этой странной фразы, чтобы переспросить позже.

– Деревни вымирают, люди уезжают. Молодёжь подаётся в города за работой, да там и остаётся, потом родителей за собой перетаскивают, – дома продают, а чаще просто бросают. Старшее поколение, кто о нас ещё знает и помнит, мало-помалу уходит. Да только мало таких осталось, а уж тех, кто, переезжая, с собой зовёт, – и того меньше. Не уверен уж и помнит ли кто об этом. Да ты и сам прекрасно знаешь. Твои, поди, тоже уехали, хату бросили?

– Нет. Не уехали, – пасмурно буркнул Акакий.

Степанко искоса внимательно посмотрел на Акакия.

– Не хочешь говорить? Твоё дело, пытаться не буду. Мне повезло. Баушка моих нынешних про меня не забыла. В городскую квартиру с ними не поехала, сказала жить в саду будет. Ты, когда шёл, сарайку справа от нашего дома приметил? Вот в этой самой сараюшке она и обитала. Основной дом-то уж позже построили. И меня позвала как есть, всё чин по чину. Как там у них говорится? Царствие ей небесное. Да только что толку-то... Живу вот с молодыми тут теперь. Не верят они в нас, не чуют меня, не слышат. Хозяин наш —лентяй и олух, каких свет ни видывал, да простят меня Сварог и Велес. Жена пилит чуть не каждый день, чтобы хоть что-то по хозяйству сделал, вредная стала – жуть! А куда деваться с этаким-то мужиком, поневоле остервенеешь.

Он насупился. Продолжил:

– А он мало того, что лежебока, так ещё и руки как будто не из того места выросли. Видел, баня стоит? Как поставил, так и не топил толком ни разу. Умудрился с печью что-то напортачить, заслонку не может нормально открыть, – вот дым внутрь и идёт. В первый же раз чуть всем семейством не угорели. Ох и перепугались же мы! Вон Федот не даст соврать. Все силы, сколь было, с ним потратили, чтобы шуму на дворе навести, да заставить их выйти посмотреть, что за нелёгкая шалит, – а то б так и заснули все там. Неделью потом оба с ним без сил отлёживались. Так хозяин, нет чтоб разобраться да наладить, так и забросил. Стоит теперь баня, гниёт уж который десяток. Он её как склад использует. Весь двор уже барахлом захламил! Вроде и полезное всё, да с его ленью хоть бы что применил для пользы дела. Так и валяется, – только гниёт да ржавеет. Ходят, лишь спотыкаются за всё это добро-то. Маялся я с ним, маялся не один десяток лет... Ничем не пронять! Не слышит, хоть ты его обухом по голове! Как уши воском залили. Знай себе, сидит, да лежит, али в свой теле-ящик таращится. Еще и выпить то и дело норовит. На том спасибо, что хоть не запойный, меру знает. Я уж рукой на него махнул, да тебе по мне и так видно, поди...

Степанко горестно вздохнул.

– Только Федот у нас ещё бодряком держится, надежды не теряет, всё пытается его растормошить, – то тятку али грабли под ноги подсунет, то ящик на дороге поставит. Наш горе-хозяин, ежели запнётся или по маковке черенком тятки получит, вроде даже начинает прибираться во дворе-то. Да только такого вот запала хватает ненадолго. Глядишь, а он часа через два – опять сидит на завалинке, да покуривает, беспутный.

Говорливость нового знакомого успокаивала. Печальные сетования Степана подтвердили догадку Акакия про неважное житьё соседа, и ему было искренне его жаль.

По всему выходило, что Степанко с Федотом, как это ни странно для домового и дворового, живут довольно дружно. По всей видимости, они давно уже на много раз переговорили все темы, и сейчас, получив в лице Акакия благодарного слушателя, Степанко радовался возможности пожаловаться новому собеседнику на своё бестолковое семейство.

Акакий не перебивал. Он внимательно слушал соседа, пытаясь выловить крупички важной для себя информации о нынешнем времени и разобраться, что к чему. Ему достаточно было лишь время от времени неодобрительно качать головой и понимающе поддакивать, чтобы рассказ Степанко не прерывался.

Слушая мерную речь соседа и потихоньку прихлёбывая горячий чай из щербатой старой чашки, – а других в этом доме, похоже, и не водилось, – Акакий постепенно отошёл и теперь чувствовал себя своим в этой странной компании. От бывлой неловкой скованности не осталось и следа.

Хозяев Степанко не было слышно, и несмотря на неприглядность обстановки, Акакий теперь ощущал непривычное умиротворение. «Надо бы попросить Степана рассказать о моих нынешних хозяевах и их странном доме», – вяло подумал он.

Однако вставить хоть слово в журчащую неторопливым, но непрерывным ручьём речь соседа случая не представлялось. Потому Акакий просто решил дать себе возможность немного передохнуть, не торопясь и ни о чём особенно не заботясь.

Впрочем, ждать пришлось недолго.

– Ой, да что же это я, всё о своих, да о своих... – спохватился вдруг Степанко. – Ты ж не за рассказами про моё житьё-бытьё пришёл, тебе про своих узнать надобно. Ну, слушай. Только сразу скажу: спустя столь годков-то тяжело тебе будет, непривычно. Но ты потерпи, не серчай шибко, с ходу не разобравшись. Не гневайся. Вот узнаёшь побольше о том, какая нынче жизнь-то у людишек, и поймёшь всё. Как есть правду говорю, твои ещё ничего, хоть и дачники. Один старшой чего стоит, – добрый, работающий, – из бывше-деревенских вышел, с «руками». Он сам в одиночку эту домину-то отгрохал, одно что в городе большую часть жизни прожил. Дочки беспутые, конечно, – полухмыкнул-полукрякнул Степанко, – городские, что с них возьмёшь. Но и они не безнадёжны, верь моему чутью. Уж я навидался за последнюю сотню лет-то. Присмотрись хорошенько, не руби сплеча, Акаша, – насолить всегда успеешь.

Федот, который в это время дул на свеженалитый чай в блюдце, собираясь отпить, искоса глянул на Акакия, – мол, видишь, прав я был, зря ты горячился. Акакий нахмурился.

– Я, конечно, многого не знаю, – начал он, – но и ты мне скажи. Как же тогда этот бывшедеревенский дом-то без печи умудрился отгрохать? На кой ляд он ему, хоть большой, хоть маленький, без печи-то?... – Акакий поневоле опять начал заводиться.

Степанко неожиданно сконфузился, смущённо крякнул.

– Ну тут такое дело... Нынче многие городские не хотят с печью и дровами возиться. Особенно, ежели не так уж и часто приезжают. Тут пол-участков такие, вон Федот не даст соврать. Еду готовить нынче печь без надобности, – на плите да в микроволновке больше спо-

дабливаются, – им так и быстрее, и проще. «Блага современности», тудыть их растудыть. А для тепла кто отопительную систему масляную поставил, а кто и вообще, как твои вон, только электричеством и греются.

– Электричеством! Ох и дремучий ты дед, – не удержавшись поддел его, впрочем, по-прежнему беззлобно, Федот. Не забыв, правда, при этом на всякий случай вместе с блюдцем отодвинуться подальше от края стола, чтоб Акакий, если вдруг будет иметь такое намерение, до него не дотянулся.– Лепестричеством?.. – нахмурился Акакий, услышав будто бы откуда-то знакомое слово.

– А ну давай без этого, Федотко. Не видишь, что ли, что Акакий итак весь в раздраенных чувствах, зачем ещё сильнее воду мутишь? Разберётся, не лыком шит!..Но посуровевший Степанко сразу строго осадил дворового:

– В общем, – продолжил он, – твои в доме печь ставить не захотели. Масляные обогреватели тоже тянуть не стали, – сложно это, да и котёл чем-то топить надо. Грязь да сажа опять же, как и от печи...

Увидев, как глаза Акакия гневно расширяются, Степанко поспешил продолжить:

– Ну да, да, тоже мне чистоплюйки выискались! Дак что поделать, сейчас каждый первый такой, куда деваться. Так вот. Твои придумали тёплые полы положить, которые от электричества питаются. Конечно, тепла от них кот наплакал. По весне-осени с ними, этими полами включёнными и живут, им хватает. А зимой они сюда всё одно не заглядывают, потому и не надобно им большего. Вот так-то, мил друг Акакьюшка, вот так-то... – закончил он и вздохнул.

Ошеломленный Акакий сидел, с трудом пытаясь понять и принять сказанное Степаном. У него было полное ощущение, что его только что саданули, что есть мочи, обухом по голове. В последней услышанное все никак не хотелось укладываться в цельную картину. Дом. Без печи. Зимой. Не живут. Но это они, хозяева его дома, ещё «ничего». Что-о-о-о-о?...

Степан, видя, что Акакий ошеломлён и обескуражен, проговорил:

– Да ты хлебай чай-то, прихлёбывай. Он на травках, успокаивает. Поможет голову на место поставить и мысли в порядок привести. Ничего, обвыкнешься. Холодно, конечно, хм, – опять прикрикнул он, – зимой, но ничего не попишешь. Жизнь у нас нынче такая... ..неказистая. Зато воздух чистый, и дерево кругом, не то что их «каменные джунгли». Поймёшь ещё, что это не самый худший вариант, – неторопливо увещевал он не то себя, не то пребывающего в ступоре Акакия.

– Мои изредка зимой все ж таки наведываются, так что коль увидишь дымок из трубы, приходи без стеснения ежели чего, жизненным теплом погреться. Тяжело поначалу зимовать будет с непривычки, да и выдирать себя из дому, конечно, тоже. Ну да потом легче пойдёт, уж я-то знаю... – со вздохом подытожил Степанко.

Глава 6. Непутёвая

Вконец измученный Акакий попрощался со своими новыми гостеприимными знакомыми, пообещав непременно навещать в гости. Он чувствовал себя полностью опустошённым, от услышанного голова шла кругом. Вот так новости! Значит, ныне он не домовый, а... садовый? Садовый? Дачный? Тыфу ты ну ты!.. Бред какой-то.

Повесив голову и глядя исключительно под ноги, он устало брёл в сторону тянувшего к себе дома, горестно прикидывая, где бы ему обосноваться. За печкой, коль печи нет, не поселишься, а пристроиться где-то надо бы. Там уж и разбираться не спеша, что к чему, можно. Похоже, что он тут надолго.

Хозяйка уже уснула и суежилась на веранде, что-то тихонько напевая себе под нос. Акакий вскарабкался на второй этаж и тихонько, совершенно обессиленный, изнеможённо притулился под лесенкой. Уходить от дома было непросто, силы требовало немало, а после долгого сна да в его состоянии это было и вовсе тяжело. Он хмуро сидел, прислонившись к лестничной основе, и исподлобья наблюдал за молодой.

Та открыла высокий гладкий белый ящик. Это оказался вместительный шкаф, светящийся изнутри. «Удобно, однако!» – горько скривившись, хмыкнул Акакий.

Хозяйка достала из шкафа большую полностью прозрачную глубокую миску, в которой было видно несколько кусков уже готовой курицы и гречневой каши, а также стеклянный кувшин с водой. Поставила на стол. Никогда раньше Акакий ещё не доводилось видеть прозрачного стекла такой чистоты! Но судя по небрежности, с которой управлялась молодуха с обеды утварью, в нынешнем мире такая посуда была делом вполне привычным.

Акакий вдруг заметил, что кувшин стремительно отпотевает, как будто наполненный ледяной колодезной водой в жаркий день. Огорошено подумал: «Это что же, теперь такие передвижные погреба для хранения продуктов делают, что холод внутри себя сохраняют? Чудеса, да и только...».

Хозяйка взяла из навесного шкафа тарелку и переложила на неё из большой миски немного еды, после чего поставила тарелку в другой небольшой шкафчик с тёмной прозрачной дверцей, стоящий на столе, и повернула какую-то ручку на его передней панели, – шкафчик начал издавать непривычный гул. Молодуху это несколько не смутило. Она, не торопясь, убрала в белый шкаф обратно стеклянную миску и достала оттуда странного вида прозрачный мешок с овощами, которые на поверку оказались огурцами. Помыла пару штук из рукомойника, и начала крошить в другую стеклянную миску, поменьше первой, продолжая мурлыкать себе под нос какую-то мелодию.

Закончив нарезать огурцы, она посмотрела в тарелку и задумчиво сказала сама себе:

– Лук с укропчиком, конечно, было бы неплохо ещё нарвать... Ой, лень. Ладно, в другой раз схожу, и так сойдёт! – и, посолив, хозяйка начала размешивать получившийся салат.

Акакий сердито нахмурился и едко пробормотал: «Лень ей до грядки с зеленью дойти, вот здрасте-пожалста! О младенчике подумала бы, коль себе лениво, непутёвая!».

Молодуха неожиданно замерла, словно прислушиваясь, рука с ложкой зависла над салатницей...

– Хотя... – внезапно произнесла она, – что это я... Нам с Агаткой витаминчики совсем не помешают, – и, отложив ложку, решительным быстрым шагом направилась вниз по лестнице, чуть не сбив сидящего у неё на пути, едва успевшего отодвинуться в сторону, домового.

Озадаченный Акакий, не веря себе, в изумлении округлил глаза: «Уж ты, ну ж ты! А непутёха-то слышит! Да как хорошо слышит-то, вот это да! Обычно столько сил вложить нужно, чтоб достучаться, да не один-два раза, а тут... у меня ж и сил-то не осталось вовсе, не собирався даже внушать-то, скорее про себя размышлял, а тут вон оно как!». Новость изрядно его приободрила.

Хотя внутри и копошился червячок сомнения, – «Ну а вдруг просто совпало, мало ли? – Акакий всё же воспрянул духом, – Может, и впрямь, не всё так плохо, как кажется?».

«А младенчик-то, оказывается, девчушка! Агата, Агатушка... добрая, хорошая, значит. Замечательное имя. Ну и славно...», – немного повеселев, подытожил он про себя.

И всё же, несмотря на все ошеломляющие открытия сегодняшнего дня, долго отдыхать было недосуг. Надо было собраться с силами и найти для себя укромное место. Не продолжать же сидеть прямо посередине дороги! Видеть, может, и не увидят, а вот запнуться вполне себе могут. Получить случайный пинок, а то и быть придавленным ненароком Акакию совсем бы не хотелось. Да и вопросы после таких падений на ровном месте всегда возникают, а это их братии ни к чему.

Акакий огляделся. В целом, под лесенкой, к которой он обессиленно притулился, было не так уж плохо. Сама лестница была добротной, деревянной, и грела душу своим добрым лесным теплом. Это тебе не серые холодные камни в нижней части нынешнего дома. Пространство под лестницей, правда, было заставлено какими-то шуршащими мешками, в которых стопками лежала разная одежда, постельное бельё и прочее. Но с другой стороны, одежда в мешках была аккуратно сложенной, чистой и пахла приятной свежестью, а само добро было занавешено красивым тюлем, стыдливо прикрывавшим заставленный угол. До уютных палатей за печкой, конечно, этому убежищу было далече, но оно хотя бы не вызывало такой брезгливости, как пыльный и заставленный всякой старой всячиной угол на крыльце соседа, где немногим ранее он пил чай. К тому же здесь был отличный обзор. С этого места он видел всю веранду, большую комнату через открытую дверь и даже, если подняться чуть выше по лестнице, двор перед домом через окно. А поскольку веранду, судя по всему, использовали как столовую, то именно здесь и должна больше всего кипеть жизнь те в моменты, когда хозяева дома приезжают погостить на свежий воздух. «Решено, размещусь, покамест, здесь», – кивнул сам себе Акакий, и передвинулся чуть глубже под лестницу, за тюль.

Тем временем на столе что-то звякнуло и привлекло внимание Акакия. Хозяйка в этот момент уже поднималась по лесенке обратно на веранду, держа в руках пучок свежей зелени.

– Ой, перегрела! – с досадой произнесла хозяйка и достала старенькой обтрёпанной прихваткой из шкафчика со стеклянной дверцей пышущую жаром тарелку.

«Ого! Чего напридумывали... Самонагревающаяся еда, охлаждающий ящик... Красота, да и только... живи не хочу», – в очередной раз поразился Акакий, – «и чего им здесь не живётся, не понимаю, с такими-то удобствами...». Досада и обида оттого, что в обычных домах и в деревнях люди теперь больше не живут, всё не проходила. Он вдруг понял, что ошарашенный новостями, много чего забыл спросить у Степана. Хотя бы то, как они зарабатывают себе на жизнь, и где берут пропитание, коль на всём участке всего-то пара гряд, до которых им даже «сходить лень», и никакой живности. Не в холодильном же ящике они сами собой появляются! Это только в человеческих сказках скатерть-самобранка бывает, а в настоящей жизни-то

такого быть не может. «Хотя... кто их знает. Может быть, уже и ларец-самоварец изобрели?», – хмыкнул он про себя.

Хозяйка принялась было за обед, если это был он, как вдруг послышалась странная звонкая мелодия откуда-то рядом со столом. Она отложила в сторону вилку, взяла небольшой чёрный брусочек, прижала его к уху и щеке и произнесла «Алло!». Акакий наострил уши, прислушиваясь.

Судя по репликам, которые произносила молодуха, выходило, что она с кем-то разговаривает, но с кем-то невидимым, и, похоже, сердилась на своего собеседника. Акакий, как ни прислушивался, понять из этого разговора ничего не смог. Несколько раз прозвучали какие-то неизвестные слова, навроде «кипийай», «конверсии», «си-эрэм» и «показатели». Кто там кому и что показывал, было непонятно. Но, видимо, показывал из рук вон плохо, так как «эффективность эрка снижалась», а что-то даже «падало».

– Хорошо, перезвони, когда проверишь, – наконец, со вздохом произнесла хозяйка и отложила звонилку в сторону. Расстроено попробовав остывшую гречневую кашу, недовольно скривилась и отправила тарелку опять в темный нагревательный шкафчик, – тот с готовностью снова загудел.

«Ага, видать, это и есть ейная работа, с которой могут позвонить», – догадался Акакий, вспомнив слова Федота, – «Чудно-о-о-о...» – протянул он и, устроившись поудобнее, окончательно вымотанный, прикрыл глаза, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Глава 7. Новое семейство Акакия

Когда немного пришедший в себя Акакий открыл глаза, вечерело. В «его» доме уже было не так жарко, через раскрытые настежь окна тянуло лёгкой прохладой.

Молодуха сидела в комнате и играла с лежащей рядом с ней на мягкой скамье дочуркой, изображая, будто бы игрушка в её руках летает. Маленькая Агатка довольно гулила. Игрушка в руках мамочки, как неожиданно обнаружил Акакий, оказалась не лоскутной куклой, а голубой коровой с крыльями. Ко всему в придачу, в какой-то момент молодуха потянула корову за хвост, вытащив его из основания почти на ладонь, и вдруг откуда-то из недр игрушки послышалась красивая звенящая мелодия, сотканная будто бы из множества тонких сладкоголосых колокольчиков.

«Ничего себе, игрушки детячи-то нонче!» – ахнул Акакий от изумления, – «Интересно, а настоящие коровы-то у них ещё похожи на прежних, али как эта игруха, – уже тоже голубые да с крылами?..».

Музыкальное представление прервал странный шум рядом с домом. Вытянув шею и поднявшись на цыпочки, Акакий глянул через окно. На поляну перед домом с гулким рёвом само собой заезжает нечто непонятной формы на четырёх широких колёсах.

– Агатка, смотри-ка, наш папа приехал! – услышал он радостный возглас хозяйки.

Из безлошадной повозки тем временем вышел высокий худощавый мужчина примерно тех же лет, что и хозяйка. Достал из задней откидывающейся части повозки две большие бесформенные белые сумки, по внешнему виду и шуршащему звуку такие же, как те мешки, что были под лестницей. Сквозь просвечивающие стенки было видно, что внутри лежит множество разной снеди.

Отец маленькой Агатки, улыбаясь, поднимался по лестнице навстречу жене, встречающей его с дочкой на руках.

– Здравствуйте, мои родные! – произнёс он и нежно поцеловал жену в щеку, а дочку в крошечный лоб.

– Здравствуй, солнышко! – прозвучало в ответ.

Помыв руки, «солнышко» забрал у жены дочурку. Хозяйка тем временем начала разбирать всё то, что принёс её муж. Чего там только не было! Яйца на каком-то коричнево-сером волокнистом, явно специально для этого сделанном, поддоне. Неправдоподобно розовая колбаса в оплётке, такая ровная и красивая, что было очевидно, – не домашнего производства. Множество небольших стеклянных банок с цветным содержимым внутри. Круглый чёрный хлеб был почти обычным, кроме того, что он лежал опять же в шуршащем прозрачном мешке, как, впрочем, многое другое, – например, свежие огурцы и наливные яблоки. И те и другие были просто невозможного, по мнению Акакия, размера. Кроме того, на стол были выложены и какие-то странные небольшие непрозрачные прямоугольные мешки, упругие и надутые с чем-то жидким, судя по звукам, внутри.

– Здорово, что догадался купить квас, по такой жаре будет очень в тему! – услышал Акакий возглас молодухи, – О, ты и борщик купил, какой молодец! Давай им и поужинаем тогда, – сказала она, держа в руках одну из банок.

Растерянный Акакий не поверил своим ушам. «Квас купил? Борщ?! Да как же это? Что ж это за хозяйка, чей муж вместо домашнего борща чужой покупает? А огурцы? Зачем же покупать, коль земля есть, и всё вырастить можно... Ох-хо-хо... Всё с ног на голову перевернулось! И впрямь интересно, сколько же я всё ж таки проспал?».

Устав от переживаний, Акакий снова поглубже зарылся под лестницу. Философски подытожив «утро вечера мудренее», решил, что на сегодня день закончен, и он вполне может себе позволить передохнуть, несмотря на вертящуюся вредной мушкой в голове мысль, – «а то же не отдохнул за век другой забытья-то, бедолажечка».

Петро заканчивал белить печь в их крохотном, но новёхоньком, только из-под топора, доме. Марьюшка стояла рядом, любуясь мужем за работой. Она была на сносях и стоять было уже тяжёловато, но ей очень нравилось наблюдать за ловкими, отточенными движениями увлеченного своим делом Петра.

Они были совсем молодой, но ладной парой. Зажиточные родители Петра так и не приняли Марьюшку, – мол, нищая бесприданница-приживалка без роду, без племени не чета их семейству, – но, хоть и не одобряли выбор своего младшего сына, и потратили немало сил, пытаясь наставить того на путь истинный, всё же, не сумев перебороть его упрямство, со временем перестали вставлять палки в колёса и оставили молодых в покое.

Отец и вовсе махнул рукой, сказав «живи как знаешь», и опосля, как подостыл, даже сподобился вместе со старшими сыновьями помочь младшему за лето поставить сруб и крышу. Сложно сказать, что им двигало больше, – то ли любовь к сыну, то ли нежелание, чтобы тот приводил сноху в его дом под одну крышу с любимой, но не отличавшейся излишней терпимостью женой, – так или иначе, дом у молодых к осени был почти закончен. Конечно, создавать уют им ещё предстояло долго, но они были очень рады тому, что могли жить и хозяйствовать самостоятельно. Особенно была счастлива Марьюшка, которая рано осталась сиротой, и с малолетства чувствовала себя ненужным лишним ртом в и так немаленькой семье своей дальней родственницы. Год назад она и представить себе не могла, что совсем скоро у неё и её любимого Петеньки будет собственный дом, и уж особенно после знакомства с его мамёнкой, которая с первого взгляда взъелась на неё и искренне считала, что Марья приворожила его каким-то зельем от местной деревенской бабки-травницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.